

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 32.019.51

И.В. Кирдяшкин**МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРОЦЕСС СНИЖЕНИЯ
РИСКОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ**

Показаны особенности социализации как взаимодействия на уровне сознания индивида и общества как системы коммуникаций. С позиций структурно-функционального подхода рассматривается позиция, согласно которой социализация молодежи требует предварительных действий со стороны политической власти, направленных на формирование общих представлений о будущем, снижающих риски для социума и индивида.

Ключевые слова: молодежная политика, социализация.

Молодежная политика имеет ряд определений. В частности, по мнению И.М. Ильинского, сознательная и целенаправленная молодежная политика есть способ регулирования межпоколенческих отношений, управления процессом преемственности поколений и развития общества [1. С. 579]. Как замечает исследователь, общий смысл молодежной политики заключается в том, чтобы создать в обществе такой общественно-политический, нравственно-психологический климат, такие оптимальные условия жизнедеятельности молодежи, такие стимулы деятельности, благодаря которым молодежь могла бы с наибольшей полнотой удовлетворять свои интересы, полнее самореализовываться и которые вели бы к ускоренному психическому созреванию и социальному развитию молодых поколений в целях социального прогресса общества [1.С. 581].

Исследование проблем реализации молодежной политики как механизма управления процессом социализации делает актуальным привлечение методологических постулатов системной теории. В истории системных исследований в XX в., отмечает В.Н. Садовский, использовались несколько системных парадигм. Первая из них лежала в плоскости нахождения способов равновесия (в самом широком смысле этого термина) анализируемых систем. Вплоть до 70-х гг. XX в. в центре внимания системных теоретиков находились проблемы исследования равновесных состояний различных типов систем [2. С. 28].

Так, основоположники структурно-функциональной школы в социологии рассматривали сознание и поведение молодого человека в тесной взаимосвязи с окружающей его социальной действительностью. Социальная жизнь понималась ими как взаимодействие людей, включенных в структуры, которые не связаны с конкретными индивидами и выполняют конкретные функции независимо от них. В теоретических положениях ее представителей социализация индивида занимает ведущее место в процессе жизнедеятельности общества, его воспроизводстве и сохранении, согласовании изменений во всех функциональных подсистемах общества. Управление процессом социализа-

ции, в свою очередь, дает возможность управления изменениями во всем социуме как целостности.

В частности, Э. Дюркгейм объяснял процесс социализации через усвоение сознанием человека «коллективных представлений», норм и ценностей, составляющих основу социального порядка, цель которого – достижение целостности общества. Э. Дюркгейм писал: «Общество может выжить только тогда, когда между его членами существует значительная степень однородности. Воспитание устанавливает и подкрепляет эту однородность, фиксируя у ребенка с самого начала существенные, типичные характеристики, требуемые коллективной жизнью» [3. С. 491].

В основе социализации, по мнению Т. Парсонса, лежит процесс установления равновесия системы, реализующийся на основе восстановления в ней некоего единообразия [4. С. 44]. Возникновение и сохранение социального порядка происходят на основе ценностно-нормативных образцов [5. С. 495]. Согласно Т. Парсонсу, важнейшая функциональная проблема взаимоотношений личности и социальной системы заключается в организации процесса социального научения индивидуума на протяжении всей жизни, в развитии и поддержании его мотивации к участию в социально значимых и подконтрольных формах социального поведения, «сохранении на протяжении всего жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально признанных и контролируемых моделях действия» [4. С. 796].

Несколько иные аспекты понимания социализации молодежи раскрывает структурно-функциональный подход, основанный на системных парадигмах, реализующихся в трудах ученых в последней четверти XX века. Их отличительная особенность, как пишет В.Н Садовский, состоит в анализе неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем [2. С. 28–29]. Среди этих парадигм теория аутопойетических (греч. *autos* – само; *poien* – делать, букв. – сам себя делаю) систем. Эта теория актуализирует роль процессов управления в сфере молодежной политики, ее регулирования на государственно-правовом уровне, важном в ситуации роста факторов, способствующих дифференциации сознания, культуры, усиления роли индивидуальной компоненты в общественном развитии.

Теория аутопойетических систем развивает идею о том, что человек имеет свою «когнитивную сущность», формируемую в процессе жизнедеятельности, представляющую уникальный опыт вживания, вписывания в среду, освоения пространства жизнедеятельности, который более инертен, нежели ценности. Интегрируясь в общество, человек не только осваивает правила и ценности, структурирующие общество, но и стимулирует изменение структуры общества, сформированной в процессе коммуникаций. Социализационный эффект в данном случае состоит в согласовании «когнитивной сущности» индивида с основами социального порядка общества, которые в результате не только могут «достраиваться», определяя для общества новые возможности (средства, формы) для жизнедеятельности, самопознания и освоения новых аспектов коммуникаций, но и разрушительно воздействовать на общество, определяя негативные последствия для других индивидов. Идея аутопойезиса, пишут исследователи, предлагает интерпретировать эмпирические данные следующим образом: живые существа представляют собой автономные единства.

При этом система автономна, если она сама устанавливает собственные подходящие ей законы. Механизм, превращающий живые существа в автономные системы, – это аутопойезис. Свойство живого – действовать, познавая [6. С. 44].

Н. Луман исходит из того, что общество – это система коммуникаций, имеющая аутопойетическую природу. При этом он исходит из того, что общество может себя наблюдать и корректировать в среде, быть самореферентной или самой себе сообщающей о себе системой [7. С. 104]. Аутопойезис у Н. Лумана направляет действие сознания человека как системы, замкнутой на собственном опыте. При этом сознание индивида и общественные коммуникации практикуют постоянное отклонение от нормы. Функциональным эквивалентом ценностного консенсуса в обществе у Н. Лумана является время, предоставляющее вариации для организации общества в относительно целостную систему коммуникаций. «Время, – пишет Луман, – есть асимметризация самореферентности в отношении порядка актов выбора» [8. С. 179]. Эти выводы влекут ряд последствий, актуализирующих управленческие аспекты в процессе интеграции, претерпевающих постоянные изменения, сознания индивида и структуры коммуникаций в обществе.

Как считает Н. Луман, индивидуальное сознание представляет собой отдельную аутопойетическую систему. Исходя из этого, социализация индивидуума означает самосоциализацию. «Только сам человек, пишет исследователь, может привести себя в форму, которая в социальном общении удовлетворяет определенным требованиям, выполняет определенные условия или может вызвать определенные типы реакций, в частности отрицательного характера». В процессе социализации значение имеют процессы и формы коммуникации индивидуума. «Теория аутопойезиса, – замечает Н. Луман, – указывает на то, что каждая система создает свои собственные структуры и на основе создания своих собственных структур, собственных предпочтений, в том числе собственных слов, которыми умеют или не умеют обходиться, собственных предположений, которые можно повторять, на основе таких первичных структур можно выстраивать свои собственные структуры. При этом система получает раздражающие импульсы от своих собственных структур, становится в ограниченном смысле способной реагировать и благодаря этому может идти своим особым путем, который не предзадан никакими культурными предписаниями» [7. С. 141].

Сознание социализирующегося человека не «чистый лист бумаги». В нем априори имеется «когнитивная сущность», которая организует получаемый опыт, посредством которого человек «видит» и оценивает реальность. Структуризация собственного сознания человека, его памяти и его предпочтений, пишет Н. Луман, есть результат индивидуальной истории системы, которая не в последнюю очередь связана с выбором, предоставляемым культурой. Каждому индивидууму дается шанс принять или отклонить, сказать да либо нет. Эта рефлексивность сознания, по мнению Н. Лумана, дает понимание теории возникновения личностного своеобразия из истории тактической адаптации, «девиации, которую удалось отстоять, или утаиваемой девиации, признания норм, которые индивид не может полностью одобрить, или интернализации норм. Они сначала принимаются только по принуждению, но затем, вследст-

вие необходимости согласования с собственным поведением, в большей или меньше мере принимаются также внутренне» [7. С. 142].

Процесс социализации подразумевает набор коммуникативных актов, основанных на рекурсивном взаимодействии, согласно которому усваиваемые нормы становятся основой поведения индивидуума, если они, имея в себе схожие структурные компоненты, могут присоединяться к уже имеющимся нормам. В этом случае именно имеющиеся нормы, полученные на ранних стадиях социализации (семья, подростковые сообщества), служат мотивацией для присоединения новых норм, необходимых для включения в другие социальные системы, продолжения социализации.

Н. Луман считал, что важно объяснить социализацию не как приспособительное поведение, соответствующее ожиданиям, а как построение через усиление редукции, переживаемой психической системой, собственной сложности. Основной процесс здесь не «перенос» смысловой модели от одной системы к другим, а самореферентная репродукция системы, обуславливающая и испытывающая социализацию на самой себе. Н. Луман предполагает, что основа всех процессов социализации, равно как и всей эволюции, заложена в самореференции системы, способной к воспроизводству и переживанию отклоняющейся репродукции. Решающую роль в этом играет окружающий мир [7. С. 320]. В результате индивидуальное сознание способно привносить вариативность в процесс социализации, усиливая разнообразие возможностей выживания в среде, а также породить рост рисков в отношении систем коммуникаций в обществе. В молодежном возрасте учет этих факторов особенно актуален для социума и самого индивида.

Риски, вызванные ростом отличий в когнитивных представлениях в сознании индивида и ценностях, структурах взаимодействий, на основе которых функционирует социальная система, требуют выделения в политике, как сфере выработки коллективных решений, отдельной подсистемы управления. Ее область регулирования – область ответственности за процессы: включения сознания индивида в общество как систему действующих коммуникаций; реализации потребностей молодежного возраста и потребностей сохранения основ жизнедеятельности общества.

Молодежная политика, формируемая как процесс проектирования общества и индивидуального сознания, направленный на снижение рисков, связанных с процессом социализации, ориентирована на процесс и продукты наблюдения второго порядка или наблюдения через наблюдаемое. Это подразумевает то, что общество осуществляет самокоррекцию через позицию Должного, трансцендентного или воображаемого, т.е. планируемого общества как системы коммуникаций, подразумевающего обязательное участие модуса будущего. Это, в свою очередь, влечет то, что социализация происходит не только через обучение индивида ценностям и нормам социального порядка, присутствующим в настоящем, но и через интеграцию в его сознание образов планируемой реальности, которая учитывает и снижает риски настоящего времени.

Молодежная политика – следствие принятия идеи истории, имеющее смысл, раскрытие которого находится в будущем, а также возникновения отношения к потомкам как носителям лучшего будущего. Идея истории дает потенциальную возможность планировать будущее, создавать ценностные и

когнитивные предпосылки для его воплощений. Модус будущего времени в качестве компонента мировоззрения подразумевает приятие мира и его ценностей, находящихся вне обозримой реальности, приподнимающих сознание человека над отношениями, продуцирующими риск, позволяя его преодолевать через устранение границ сознания, обозначаемых им же, но уже относительно условий существования в прошлом.

Теоретическая идея будущего, пишет Э. Кассирер, это императив человеческой жизни, выходящий за пределы практических нужд человека – за рамки его эмпирической жизни вообще. Будущее – это не эмпирический акт, а этическая и религиозная задача. В нем сила человеческой символики устремляется за пределы конечного существования человека. Но это отрицание, продолжает Э. Кассирер, означает новый великий акт интеграции – им отмечена решающая фаза в этической и религиозной жизни человека [9. С. 595]. Идея будущего возникает на почве устремлений человека, имеющих религиозную природу, иденциональную культуру мировосприятия. Как отмечал К. Ясперс, подлинная проблема будущего состоит в том, как и во что будет веровать человек [10. С. 226]. «Вера есть то объемлющее, что руководит нами даже тогда, когда рассудок, по всей видимости, опирается только на собственные законы. Вера не тождественна определенному содержанию или догмату – догмат может быть выражением исторического содержания веры, но может вести к заблуждению. Вера есть то, что наполняет сокровенные глубины человека, что движет им, в чем человек выходит, возвышается над самим собой, соединяясь с истоками бытия...» [10. С. 227].

Наиболее масштабные подвиги, утверждающие возможность будущего как продукта усилий человека вызваны Осевым временем, в период с 800 по 200 г. до н.э., когда возникают интегрирующие человечество ведущие мировые религии [10. С. 52]. Осевое время характеризуется исследователями как период духовного «прорыва», отмеченного утверждением трансцендентного начала (Бог, Высший закон), выходящего за рамки посюстороннего мира и определенным образом влияющего на судьбы этого мира [11. С. 20].

Как считает В.А. Храпова, основным содержанием Осевого времени стала проблема противостояния Истории (конкретно-исторической ситуации) и Культуры в периоды великих противостояний социальной действительности, когда обнаруживается необходимость интенсивной «достройки» культуры, которая и далее могла бы выполнять свою главную функцию в экстремальной ситуации: спасти человечество, оказавшееся по ходу своего исторического развития над пропастью [12. С. 128]. Важнейшим следствием формирования нового мировоззрения явилась направленность на перестройку земных порядков в соответствии с представлениями о выбранном пути преодоления разрыва между трансцендентным и мирским [12. С. 130].

Как отмечает А.С. Ахиезер, Осевое время возникло на фоне того, что человеческое сознание, возможности мышления оказались неэффективными в условиях формирования больших государственных объединений. Локальная «доосевая культура», организационно связанная с локальными сообществами и соответствующими формами и типами общения, определенным стилем организации жизнедеятельности, стала непригодной в связи с усложнением общества, возрастанием потребности в формировании новых форм и принци-

пов общения в сообществе. Основная характеристика Осевого времени – прорыв мифологического мирозерцания, составляющего духовную основу «доосевых» культур. Началась эпоха увеличения во времени прессинга рациональности и рационального прояснения опыта (логос против мифа) [13. С. 385–387].

По мнению А.С. Ахиезера, с Осевого времени начинается рождение государства как специфическая организация Большого общества, носитель специфической субкультуры. Большое общество характеризуется масштабами, выводящими за рамки возможностей положить в основу воспроизводства своей целостности эмоциональные и личные отношения, кровнородственные связи. Образование Большого общества требует отношений, форм социальных интеграторов, носящих абстрактный характер, на основе развития государства, права, стоимостных и денежных отношений. Для этого необходим особый уровень и содержание мышления, всеобщей коммуникации, всеобщих нравственных принципов, культуры, несущей ценности интеграции огромной массы людей, лично не знающих друг друга [14. С. 88]. Исчерпание возможностей социальных интеграторов, воспроизводящих целостность, минувшие эмоции и личный фактор, преодолевается за счет способности общества к интерпретации. Она есть результат развития в обществе медиации или мышления, логического движения от абстрактного к конкретному. Без определенного уровня медиации невозможна государственность, интерпретация которой составляет длительный процесс [14. С. 128].

Идея истории формируется с христианской эпохи, с которой, замечает А. Про, начинается процесс упорядочивания разнообразия фактов и событий, унификация времени [15. С. 106]. При этом сама идея возможного прогресса, как отмечает А. Про, начинается зарождаться лишь в середине XVI в., когда начинается своего рода ментальная революция, несущая представления о времени как носителе необратимых различий, делающем «после несводимым к до». Это – плодотворное, богатое новизной время, которое никогда не повторяется и каждый момент которого уникален [15. С. 111].

С прорывом к Новому времени, отмечает Ш. Эйзенштадт, ослабляется легитимация символов культурной традиции. Происходит развитие научных и технических знаний, которые в культуре Нового времени не только преобразовывают культурный и социальный порядок, но и создают новую внешнюю и внутреннюю среду [11. С. 230]. Европейское Новое время, полагают исследователи, открыло перспективу перехода от модели сосуществования государственной и догосударственной культур, развивающейся в период развертывания первого Осевого времени, к модели, где государственная культура, становится всеобщей [16. С. 24]. Переход от догосударственной культуры, основанной на мифе, к государственной требует действий, направленных на формирование различных, меняющихся под воздействием обстоятельств жизнедеятельности репрезентаций будущего.

Как замечает Н. Луман, «аутопойезис в его правильном понимании означает, прежде всего, порождение внутрисистемной неопределенности, которая может быть редуцирована лишь собственными структурными образованиями системы» [17. С. 69]. При этом «должны иметься определяющие ожидания вероятности – иначе аутопойезис коммуникации невозможен» [18. С. 7].

Коммуникация априори невероятна. Она всегда проблема, но вместе с тем она требует преодоления своей невероятности. Возникновением социальных систем, пишет Н. Луман, управляют способы преодоления невероятности коммуникаций в вероятность. Процесс увеличения возможностей перспективной коммуникации, согласно Н. Луману, реализует процесс социокультурной эволюции, реализующийся как селективный, определяющий, что является возможным, что невероятным [19. С. 44–45].

Процесс преодоления невероятности коммуникации, таким образом, есть процесс создания предпосылок для нее как процесса выработки и реализации коллективных решений. Ведущим здесь является процесс создания предпосылок для взаимодействия, т.е. принятия индивидом норм общества. Иначе говоря, власть ответственна за создание мотиваций и ожиданий, которые обеспечивают комплексную целостность сознания индивида и общества в процессе социализации. Н. Луман сравнивает власть с комплексной функцией катализатора, так как властная коммуникация представляет собой шанс повысить вероятность желаемых селективных связей социальной системы и окружающего ее мира [19. С. 24].

Повышение вероятности желаемых селективных связей для политической системы реализуется с Нового времени в процессе актуализации проблемы и выделения в ней дополнительных функциональных подсистем. К ним относятся и молодежная политика как процесс выработки коллективных решений по вопросу планирования когнитивных схематизаций и ценностей универсального характера, определяющих процесс поиска общих позиций для коммуникации сознания отдельного индивида и социума как системы коммуникаций. Проблема ее реализации состоит в снижении необходимых для наличия времени как условия выработки «взаимопонимания» индивида и общества темпов воспроизводства в современной культуре модуса будущего, идей прогресса, как настройки сознания человека на освоение нового пространства. Современные коммуникации создают возможности для его виртуального освоения, которое практически не порождает собственный опыт жизнедеятельности, заставляя видеть мир чужими «глазами», что усиливает инфантилизм сознания молодежи, порождает ее реакции на уровне опыта, полученного в раннем возрасте, их непредсказуемость.

Исходя из концепции о внутренней разделенности деятельности общества на предметно-практическую и деятельность по развертыванию отношений (мотивационно-эмоциональную), которые чередуются в качестве ведущих, Э.В. Сайко делает вывод о проявлении со второй половины XX в. приоритетности второй стороны развития человека. Она отмечает, что главным фактором этого периода развития является изменение-становление самого человека, помещенного в качественно новые условия существования [20. С. 68]. Происходит трансформация культуры как механизма сохранения общества. Как пишет Н.Г. Щербинина, к рубежу XX–XXI вв., когда становится очевидной исчерпанность культурной парадигмы уходящего века, основной ценностью становится мифологизированное прошлое, превращающееся в базовую ценность [21. С. 45].

Актуальность молодежной политики как специфической подсистемы политики вызывается дискредитацией интегрирующего сознание индивида и

общества модуса будущего времени, вызванного негативными последствиями индивидуализации общества, научных достижений, интеллектуальной свободы. Ее важной целью как политической подсистемы является воспроизводство, адаптация в обществе новых форматов модуса будущего времени, что требует оформления в особую систему государственного уровня, ответственную за стимулирование процессов медиации и проектирование будущего, снижающую риски социализации, усиливающую вероятность коммуникации между сознанием индивида и обществом.

На государственном уровне, уровне государственно-правовых актов молодежная политика формируется только со второй половины XX в., в период начала кризиса идеологий как систем наблюдения второго порядка, образующих перспективу будущего для общества, а также по причине роста совершенствования технологий, увеличения возможностей индивида влиять на общество. В ряде стран Западной Европы и Америки в 1960–1970-е гг. произошли массовые выступления молодежи, провоцирующие мобильную «достройку» структур политических коммуникаций с обществом на основе роста посредников коммуникации и развития массовой культуры, непременным актором которой является молодежь. Функция массовой культуры, по мнению О.Ю. Биричевской, состоит прежде всего в консолидации общества, обеспечении отбора, хранения и трансляции общезначимого социального опыта, устойчивого ядра базовых ценностей данного общества [22. С. 144].

Как считает Т.О. Бертенева, молодежные движения в той или иной мере эксплицируют идеологическую неустойчивость, а точнее, идеологическую несобственность молодого сознания. При этом нигилистический настрой данной группы парадоксально сопряжен с ее склонностью к культу. Отрицается не культура вообще, а только то в культуре, что вызвало разочарование, то, что уже невозможно идеализировать [23. С. 49]. Молодежь бунтует против «взрослых», если не обнаруживает в их жизни объекта достойной веры и поклонения [23. С. 50].

Кризис ведущих идеологий спровоцировал не только общественно-политическую активность молодежи в Западной Европе и Северной Америке, но и актуализацию молодежной политики на политическом уровне, ее связующую общество функцию. В странах Западной Европы и Америки, где происходили наиболее масштабные выступления молодежи, начинается работа по выработке национальных законодательств, усиливающих участие общества и государства в процессе социализации молодежи. Формируются международные стандарты молодежной политики, направленные на обеспечение условий для социализации, с одной стороны, и расширение участия молодежи, ее движений в общественно-политических процессах, с другой.

Особая роль в разработке и реализации международного законодательства в области молодежной политики принадлежит Организации Объединенных Наций. В частности, в 1965 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами». В последующие годы был принят еще целый ряд важных документов: в 1985 г., объявленном Международным годом молодежи, были одобрены «Руководящие принципы для дальнейшего планирования и осуществления соответствующих последующих

мер, касающихся молодежи: участие, развитие, мир»; согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1995 г. была принята Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 г. и на последующий период; резолюцией 54/120 от 20.01.2000 г. была одобрена Лиссабонская декларация по молодежной политике и программам, принятая в августе 1998 г. на первой Всемирной конференции министров по делам молодежи. В представленных документах на международном уровне законодательно закрепляется основная цель молодежной политики – активизация участия молодежи и молодежных организаций в общественной жизни на национальном уровне и во всемирном масштабе [24].

В формировании и реализации молодежной политики ООН выделяет два взаимосвязанных элемента. Во-первых, молодежь сама должна сформулировать свои интересы и обеспечить им достаточную поддержку. Во-вторых, национальные правительства должны поддерживать позитивные устремления молодежи, расширять ее деятельность, создавать условия для активного участия в жизни общества [24]. Включение молодежной проблематики в повестку дня межправительственного и межгосударственного сотрудничества, по оценке руководства ООН, стало ярко выраженной тенденцией в последние десятилетия [25].

В условиях глобализационных процессов молодежная политика последней четверти XX – начала XXI в. формируется как часть политической системы, на которую приходится ответственность за выработку интегрирующих начал глобального мира. Ее становление в качестве подсистемы политической системы в целом отражает актуализацию мифологической культурной парадигмы, усиление роли технологической составляющей управления, фазу развития политической системы, когда приоритет принадлежит политическому субъекту, обладающему возможностями управлять обществом, включающим в себя множество культурных образцов, норм поведения, источников власти. Молодежная политика становится в ряду политических форматов выработки условий существования глобального общества, связующими компонентами которой становится массовая культура, мифопоэтическое мышление, глобальные потоки информации и технологии, отражающие поиск и утверждение качественно новых возможностей организации и обработки информации общества о себе и своих изменениях.

Молодежная политика формируется в качестве дополнительного механизма синхронизации общественных коммуникаций, претерпевающих влияние новых знаний и технологий, вызывающих «волны времени», ту или иную современность. Имея в собственной системе коммуникаций такой режим коммуникации своих операций, как молодежная политика, политическая подсистема может реализовывать специфическое устройство и адаптацию общества относительно проектов модерна, связанных с перманентным нарушением норм социального порядка и построением новых, вызванных технологическими революциями и изменением средств и инструментов реализации политической функции. Молодежная политика направлена на адаптацию случайности или «незнакомого» опыта как фактора, поддерживающего сопряженность политической подсистемы с другими подсистемами общества,

конвертации случайности в систему символических кодов, через которую политическая система входит в коммуникацию с обществом.

Тенденцией, обусловленной глобализацией культуры, комплексом ожиданий, архетипических страхов исторических сообществ, втягивающихся в единые стандарты изменений, является то, что молодежная политика как процесс создания культурно-правовых условий для самореализации молодежи должна реализовываться и на национально-государственном уровне. Эта тенденция выражена, прежде всего, в формировании законодательных и институциональных систем, снижающих риски социализации молодежи. Как отмечает на основе анализа документов и практик европейских стран, посвященных молодежной политике, Ю.А. Борко, цель молодежной политики в странах Европейского Союза в кратком виде формулируется как содействие бесконфликтной социальной интеграции молодежи [26. С. 54].

Национально-государственный уровень молодежной политики обеспечивает ее реализацию применительно к молодежи, имеющей специфический, отличный от других, культурно-психологический опыт жизнедеятельности, обладающей уникальной «когнитивной конституцией», особенной рефлексией относительно влияния окружающего мира. Роль национально-государственного уровня становится особенно актуальной в условиях глобализации социально-политического и культурного пространств через совершенствование технических коммуникаций, которые молодежь, в отличие от старшего поколения, осваивает мобильнее, что благоприятствует внедрению технологических инноваций и усиливает риск их применения.

Как замечает У. Бек, в эпоху глобальных кризисов и рисков создание густой сети транснациональных зависимостей ведет к регенерации национальной независимости в противовес властным достижениям высококомобильной экономики [27. С. 14]. Это выражается в попытках овладения потоками информации национальными государствами [27. С. 185]. В условиях современного глобализма, пишет исследователь, становится актуальным осуществление самотрансформации политики и государства. Речь идет об изменении рамочных условий государственной деятельности, позволяющих сделать возможной «глокальную черновую работу» по решению мировых проблем [27. С. 231].

Образование молодежной политики как отдельной сферы подготовки и принятия политических решений отражает потребность политической системы в стимулировании процессов изменений как способе согласования различных позиций в обществе, особенно заметных при кризисе идеологий. И одновременно – потребностью в активизации процессов селекции нового, предохраняющей от разрушения ее несущие конструкции. Участие государства в обеспечении социализации молодежи создает определенные предпосылки на будущее для его собственной трансформации. Управление процессом социализации молодежи создает предпосылки для легитимности запуска процессов трансформации модерна, его адаптации относительно национальной ментальности. Проблему реализации молодежной политики можно квалифицировать как проблему селекции разнообразия информации, ее упорядочивания и приведения в рамки соответствия базовым нормам социального порядка и политического мира, изменениям, происходящим в обществе, обу-

словленным «волнами времени», связанным с соотношением знаний общества о себе самом и культурными пределами интеграции этих знаний в конкретном культурно-историческом организме.

Молодежная политика позволяет поддерживать процессы самокоррекции политической системы в период интенсивного воздействия новых знаний и технологий. Новые технологии вызывают рост интенсивности структурных сопряжений в обществе, обнаруживают потребность в выработке новых компонентов универсальной коммуникации, средств ее реализации. Развитие этих тенденций заново актуализирует смысловые аспекты бытия, опыт прошлого как культурно-психологической опоры настоящего, мифологизацию как способ структурирования социально-политической реальности, роль индивидуального сознания в ее изменении.

В период эндогенного кризиса, когда претерпевают кризис культурные программы и идеологии, воспроизводящие базовые элементы политического мира, молодежная политика выступает возможностью упорядочивания хаотических тенденций в пространстве социальной нормативности, а также режимом активной «достройки», эволюции политической традиции и трансформации государства как системы управления обществом.

С ростом культурных, экономических рисков государственный формат молодежной политики становится наиболее актуальным. Его актуальность вызвана потребностью в преодолении различий в интерпретациях, следствием которых является сложность планирования будущего для общества. Молодежная политика становится важной частью медиа-стратегий процессов укрепления государственности в качестве ведущего политического актора управления усложняющимся обществом. В современных условиях, пишет А.И. Соловьев, формирование коммуникативной среды, регулирование государством направленности информационных потоков становится основным инструментом организации властью новых форм принятия и реализации управленческих решений. Информационное пространство становится важнейшим полем политического диалога государства и общества [28. С. 281–282].

Медиа-технологии в молодежной политике обеспечивают возможность, начало и продолжение диалога с молодежью, который может предвещать новые этапы развития диалога власти и общества в целом. Актуальность расширения диалога с молодежью, в частности в российском обществе, обусловлена ее расколотостью, представители которой, исходя из различий в опыте жизнедеятельности, обладают различной позицией в отношении культурных, экономических, политических приоритетов развития страны. Соединение их в общем поле реализуется главным образом в процессе развития масскульта и сетевых форматов молодежной политики, создания субкультур для молодых, в ходе развития которых формируются не только конструкты «искусственного» будущего, но и артикулируются архетипические структуры сознания, актуализирующие защитные механизмы личности.

При этом медиа-проекты потенциально могут выстраивать элементы образа будущего, важного для множества индивидов, на который могут накладываться дифференцирующие отличия образа будущего в индивидуальном сознании. Развитие медиа-формата молодежной политики может способство-

вать снижению рисков социализации на уровне сознания индивида, включая в него понимание реальности, которое их исключает. Как замечает М.С. Кунафин, проблема смены реального виртуальным затрагивает, прежде всего, структуру личности, адаптирующуюся к изменениям и восприятию искусственной среды. В этом случае различия между виртуальным и реальным имеют априори временный характер [29. С. 163]. Молодежная политика с применением медиа-ресурсов, в том числе и государственная, расширяет вариативность механизмов снижения рисков в процессе перехода от локальной, догосударственной культуры, основанной на мифопоэтическом мировосприятии, к политической культуре Большого общества, основанной на представлениях об общем будущем, законе, правах и обязанностях личности.

Литература

1. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001.
2. Садовский В.Н. Людвиг фон Бергаланфи и развитие системных исследований в XX веке // Системный подход в современной науке. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990.
4. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
5. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
6. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
7. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
8. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
9. Кассирер Э. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
11. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
12. Храпова В.А. Тексты Осеевого времени // Философия и общество. 2008. № 2 (50).
13. Ахиезер А.С. Социокультурный субъект – перелом на рубеже тысячелетий: презумпция преодоления сложности // Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2006.
14. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II: Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
15. Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000.
16. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.
17. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
18. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.
19. Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Изд-во С.-Пб. гос. ун-та, 2000. Вып. 3.
20. Сайко Э.В. Субъектное выполнение социального пространственно-временного континуума // Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2006.
21. Щербинина Н.Г. Ценности, миф и лидер как символические политические формы // Проблемы политических ценностей в условиях трансформации режима: научный ежегодник Томского МИОН – 2003 / Под ред. А.И. Щербинина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
22. Биричевская О.Ю. Парадоксальный результат Просвещения: массовая культура и свобода // Вестник С.-Пб. ун-та. Сер. 6. 2005. Вып. 3.
23. Бертенева Т.О. Проблема молодежи в эпоху глобализации // Вестник С.-Пб. ун-та. Сер. 6. 2005. Вып. 1.

24. *Молодежь* в Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Библиотека документов ООН, связанных с молодежью // Организация Объединенных Наций: официальный web-сайт. Электрон. дан. Нью-Йорк, [б.г.]. URL: <http://www.un.org/youth.html>.

25. *Всемирный доклад по делам молодежи* Генерального секретаря ООН (2005 г., № А 60/61) [Электронный ресурс] // Библиотека документов ООН, связанных с молодежью // Организация Объединенных Наций: официальный web-сайт. Электрон. дан. Нью-Йорк, [б.г.]. URL: <http://www.un.org/youth.html>.

26. *Борко Ю.А.* Выводы и рекомендации // Молодежная политика: европейский опыт: доклады Института Европы РАН. № 163. М.: Огни ТД, 2005.

27. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Территория будущего, 2007.

28. *Соловьев А.И.* Государственный PR // Политическая психология, культура и коммуникация / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Российская ассоциация политической науки; Российская политическая энциклопедия, 2008.

29. *Кунафин М.С.* Структура виртуального // Генезис категории виртуальная реальность: материалы международной научной конференции (15 февраля 2008 года) / Под ред. А.В. Захряпина [и др.]. Саранск: Рузаевский печатник, 2008.